

Нилима
Рао

Исчезновение
на
Фиджи

Нилима Рао
Исчезновение на Фиджи
Серия «Иностранка.
Преступление века!»
Серия «Расследования сержанта
Акала Сингха», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74674501

Исчезновение на Фиджи. роман: Иностранка, Издательство АЗБУКА;

Москва; 2026

ISBN 978-5-389-35816-4

Аннотация

Сюжет этого увлекательного исторического детектива разворачивается в 1914 году в британской колонии Фиджи. Главный герой, молодой полицейский Акаль Сингх, сослан из Гонконга в этот тропический рай (а для него – «на богом забытый остров») за служебную провинность. Мечтающий только об одном: как можно скорее вернуться обратно, – он получает, на первый взгляд, рутинное задание: разобраться в исчезновении молодой индийской женщины, работавшей на сахарной плантации.

То, что поначалу казалось формальностью, быстро перерастает в запутанное и опасное расследование. Акаль сталкивается с

враждебностью белых плантаторов и нежеланием начальства ворошить деликатную тему системы подневольного труда, от которой зависит экономика колонии. Сержант находит множество странностей и нестыковок, и дело о пропаже женщины оказывается лишь верхушкой айсберга.

Содержание

Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нилима Рао

Исчезновение на Фиджи

Nilima Rao

A DISAPPEARANCE IN FIJI

Copyright © 2023 by Nilima Rao

All rights reserved

© 2023 by Nilima Rao All rights reserved Перевод с английского Елизаветы Рыбаковой Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

© Е. Ю. Рыбакова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Нилима
Рао

Исчезновение
на
Фиджи

Издательство «Иностранка»
Москва

**«ФИДЖИ ТАЙМС» ПОНЕДЕЛЬНИК, 5
ОКТАБРЯ 1914 ГОДА**

...Нет-нет, господин редактор. Мистер Кромптон, выступая на совещании по поводу Ночного Проказника, сказал, что нам нужны не «джазмены» (у нас на Фиджи достаточно тех, кто сотрясает воздух), он сказал «полисмены», старые добрые блюстители порядка: бобби, фараоны или копы – как их ни назови.

Из колонки Чоп-Чоп

Глава первая

– Нынче Ночной Проказник снова пошаливал.

Вследствие этого рокового предзнаменования с утра пораньше сержант Акаль Сингх вновь забыл пригнуться, входя в дверь полицейского участка Тотого в центре Сувы.

– *Апре йаар*¹, – с чувством пробормотал он.

За полгода, проведенные на Фиджи, Акаль приложился головой к этой самой притолоке бесчисленное число раз. Не сказать, чтобы дверной проем был особенно низким, но тюрбан добавлял несколько дюймов и без того внушительному росту Акаля. Он огладил чалму, проклиная отсутствие зеркала в убогой дежурной части, да и вообще в зданиях полиции. Для казармы европейских офицеров зеркало уже заказали, но корабль из Сиднея задерживался. О том, чтобы снабдить подобным излишеством индийские и фиджийские бараки, речи не было.

– Тюрбан сидит хорошо? – осведомился он у Тавити. Констебль-фиджиец был на дежурстве, и именно он сообщил Акалю новость о его нынешнем заклятом враге.

– Думаю, да, сэр. Не очень-то я разбираюсь в тюрбанах.

– Набок не сдвинут? Волосы не выбиваются? Намотано аккуратно, без бугров?

¹ Черт возьми (*хинди*). – *Примеч. перев.*

– Да, сэр, ровно, сэр, волосы не выбиваются, сэр. Видно, что вы очень старались, сэр, – с дружеской насмешкой отрапортовал Тавити.

Несмотря на его заверения, Акаль продолжал оглаживать чалму по бокам, проверяя, чтобы ткань лежала как надо.

– Адски муторная штука в такую жару, скажу я тебе. Но дамам нравится.

Он ожидал, что Тавити фыркнет, намекая на недостатку женщин в жизни Акаля, но фиджиец вместо этого повторил движение приятеля, задумчиво проведя рукой по густым упругим кудрям.

– Может, мне тоже стоит принарядиться?

– Полагаешь, ты в силах совладать со всеми женщинами?

– Я, наверно, нет. Но моя жена очень даже! – парировал Тавити, хлопая по столу, и до неприличия сочный шлепок эхом отразился от стен помещения. Оба мужчины покатились со смеху.

Никогда в жизни Акаль не смеялся так, как в компании Тавити. Даже если предмет шутки вовсе не был забавным, Тавити так заражал Акаля весельем, что тот хохотал до упаду, незнамо почему. Все еще похихикивая, Акаль упал на хлипкий стул для посетителей и принялся изучать пыль на своих ботинках.

Завязавшаяся между Акалем и Тавити дружба стала беспримерным явлением для полиции Сувы. Почти ровесники – Акалю двадцать пять, Тавити двадцать шесть, – они со-

шлись не только на этой почве, мало ли было у них коллег такого же возраста. Кроме того, в полиции работали и другие индийцы, и немало фиджийцев. Их разделял языковой барьер, поэтому при необходимости они общались с помощью невнятной смеси английского, хинди и фиджийского и никогда друг другу не доверяли.

Но даже при наличии общего языка Акалю пока не удалось сблизиться ни с одним из других индийских полицейских. Среди них не было пенджабских сикхов, так что непосредственной связи через родину и религию между ними не существовало. Собственно говоря, все индийцы смотрели на него со смесью раздражения и пренебрежения. Они служили констеблями при сержанте и не имели представления, как он зарабатывал себе известность, поэтому не ведали о его способностях. Добавьте к этому слухи о причинах его внезапного отбытия из Гонконга, и стоит ли удивляться, что соотечественники обходили Акаля стороной.

Когда полгода назад Акаль сошел с корабля, доставившего пенджабца на Фиджи из Гонконга, его встречал Тавити, откомандированный, чтобы проводить Акаля до полицейского участка. Тавити подошел к Акалю, который стоял на пристани, пошатываясь и осваиваясь с твердой землей под ногами. За несколько минут пешего пути к участку Акаль и Тавити приспособились к совершенно разным акцентам друг друга, и каждый обнаружил у собеседника сносное владение английским. Тавити тотчас же принялся поддразнивать Ака-

ля по поводу его неспособности идти по прямой, и их дружба быстро сцементировалась.

– Уму непостижимо, что все мы начали называть этого сукина сына Ночным Проказником. Окаянная «Фиджи таймс» с ее дурацкими прозвищами! – проворчал Акаль.

– А как бы тебе хотелось его называть? Он рыскает по ночам. По мне, так удачная кличка, – ответил Тавити, пожав плечами.

– Как его ни кличь, мне необходимо найти этого прохвоста, иначе мне больше никогда не поручат приличного дела.

– Что ты имеешь в виду под «больше»? – насмешливо вскинул брови Тавити. – У тебя не было приличного дела со времени приезда сюда. Генерал-инспектор возненавидел тебя с первого взгляда.

– Так кому докучал наш замечательный Ночной Проказник на сей раз? – поинтересовался Акаль, не поднимая головы, чтобы не встречаться взглядом с Тавити. До сих пор ему удавалось избежать объяснений, по какой причине он попал в немилость к генерал-инспектору, и Акаль надеялся скрытничать и дальше, хотя до Тавити почти наверняка дошли некоторые слухи. В колонии он общался со всеми. – Полагаю, излишне спрашивать, посчастливилось ли кому-то его разглядеть?

– Да, обычное дело. Это были Вишбурны с улицы Нолли, знаешь, те, у которых две дочери. Одиннадцать часов. Мистер Вишбурн на вечеринке у губернатора. Ночной Проказ-

ник появляется голым за окном у младшенькой. Она просыпается, видит его, начинает кричать, и он удирает. Когда прибегает мать, она успевает только проводить взглядом его задницу, скачущую вниз по склону. Но она с уверенностью утверждает, что эта самая задница была черной.

– Она не уточнила, какого именно оттенка?

– Моего типа, не твоего. Хорошее такое округлое фиджийское седалище, а не ваши тощие индийские булки. – Тавити сверкает зубами, каждый из которых размером примерно с совок. Акаль всегда поражался, как Тавити удастся говорить сквозь весь этот забор, и заранее оплакивал день, когда друг начнет терять свое природное богатство, что, по-видимому, неизбежно для всех старых фиджийцев.

– Тогда пойду на улицу Нолли. Может, на сей раз он оставил нам подсказки. Визитку, например. – Акаль, ослабившись, посмотрел на Тавити и вскочил, заметив, что генерал-инспектор сердито взирает на него от двери, ведущей во внутренние помещения участка.

– Сингх. В мой кабинет. – Не дожидаясь ответа, начальник, гулко стуча каблуками, исчез в коридоре.

Акаль поспешил последовать за ним.

– В чем ты теперь провинился? – осведомился Тавити.

Акаль пожал плечами и, проходя мимо друга, прошептал:

– Я еще дышу. Думаю, этого достаточно.

Акаль с некоторым беспокойством приблизился к двери кабинета. Он побывал там лишь однажды, сразу по прибы-

тии в колонию. Едва он ступил через порог, стало очевидно, сколь низко он пал. Бетонный мешок с закопченными ставнями казался жалкой хибарой по сравнению с кабинетом его прежнего начальника в Гонконге, где были высокие потолки и стены, обшитые полированным деревом. В том изящном помещении он провел бесчисленное количество часов, советуясь с командиром, – это было в тот период, когда его слава в Британской администрации в Гонконге быстро росла. Здесь же при первой встрече с Тёрстром ему четко и ясно дали понять, что он не будет пользоваться никакими привилегиями.

Стол возле кабинета генерал-инспектора, который во время его предыдущего визита был заставлен аккуратно сложенными стопками папок, теперь пустовал. Раньше за ним работал субинспектор Маркс, покинувший колонию пару месяцев назад, вызвав большой переполох. Несмотря на противодействие колониальной администрации, молодому младшему инспектору удалось получить офицерский чин и отправиться на войну, разгоровшуюся в Европе, лишив Суву одного из немногочисленных европейцев, а генерал-инспектора – непосредственного помощника.

Акаль постучал в открытую дверь кабинета. Не поднимая головы, начальник отрывисто приказал ему войти.

Генерал-инспектор Джонатан Тёрстром, шеф полиции в молодой колонии, сидел за большим столом, заваленным, так же как и все стулья в комнате, бумагами. Он был вну-

шительным мужчиной, высоким и крепким, с копной седеющих рыжих волос, словно освещавших сумрачное помещение. Акаль встал перед столом по стойке смирно.

– Генерал-инспектор, сэр, – отчеканил он, но не получил ответа.

Акаль застыл навтыжку, Тёрстром продолжал его игнорировать. В кабинете было тихо, лишь поскрипывало по бумаге перо генерал-инспектора да снаружи доносились звуки строевой подготовки. Наконец начальник закончил писать, отложил ручку и поднял глаза на Акаля.

– Сингх, у меня проблема. – Тёрстром энергично ткнул пальцем в направлении Акаля. – И я намерен сделать это вашей проблемой.

– Да, генерал-инспектор, сэр! – снова отчеканил Акаль с чуть меньшим тщанием.

– На плантации Паркинса в Накаву пропала женщина-кули². Мы получили заявление, и предполагалось, что сотрудник, который в следующий раз поедет в ту сторону, проведет обычную проверку. Но некий миссионер с чересчур длинным носом сообщил прессе, будто батрачка никак не могла просто сбежать. Статья напечатана в утренней газете. – Он встал и оперся на стол, размахивая, как строевым жезлом, экземпляром «Фиджи таймс». – Он утверждает, будто жен-

² Ку́ли (от *хинди* «работник») – батраки, которых европейцы в XVIII – начале XX века перевозили в свои колонии в качестве дешевой рабочей силы из Индии и Китая. При этом социальное положение, условия труда и жизни кули зачастую фактически превращали их в рабов. – *Примеч. ред.*

щину похитили. Это черт знает что такое! А вчера еще, на нашу голову, прибыла индийская делегация.

Группа лиц с туманным названием «Делегация по индийским связям с Фиджи» совершала визит с целью инспекции программы индийского договорного рабства. До сего дня никого этот вопрос особенно не волновал. Посвященная приезде делегации статья в «Фиджи таймс» основное внимание уделяла торжественному приему, запланированному на вечер, и особенно тщательно описывала предполагаемые наряды гостей. Извещение об истинных целях делегации было сведено к единственному предложению в конце статьи.

— До меня дошла молва, что индийское правительство следит за подобными случаями, — продолжил Тёрстром, принявшись мерить кабинет шагами и хлопая по ладони газетой. — Они хотят посмотреть, как мы расследуем преступления против кабальных работников. Я пытался привлечь Кина, чтобы не допустить политической возни, но, думаете, он обращает на это внимание?

Дэвид Кин был генеральным уполномоченным по вопросам иммиграции. Он прибыл на Фиджи полгода назад, но до сего дня в глаза не видел ни одного кабального работника и жил в каком-то блаженном неведении. До сих пор он и пальцем не пошевелил, чтобы расследовать случаи насилия в отношении индийских батраков, мужчин и женщин, о чем то и дело поступали сообщения. Акаль прибыл на одном корабле с Дэвидом Кином и тоже еще не успел добраться до планта-

ций, чему в глубине души эгоистично радовался.

– К сожалению, я не могу послать никого другого, – признался генерал-инспектор, останавливаясь и бросая на подчиненного косой взгляд. Акаль заскрипел зубами. – Возможно, участие в деле индийского сержанта заставит ваше правительство ослабить контроль. Поезжайте, встретьтесь с этим кретином-миссионером и немедленно отчитайтесь. Постарайтесь заставить его успокоиться и образумиться. Если он прекратит вопить по поводу «похищения», будем надеяться, дело сойдет на нет.

Акаль поколебался и неохотно упомянул о своем текущем безнадежном расследовании:

– Сэр, а как насчет Ночного Проказника? Не знаю, докладывали вам или нет, но нынче ночью он совершил очередную вылазку.

– Хм... Ночной Проказник, – пробормотал Тёрстром, снова тяжело опускаясь на стул. – Знаете, что я думаю, Сингх? Не следовало бы привозить в колонию женщин. С ними вечно такая морока.

– Ночной Проказник пугает детей, сэр.

Тёрстром сердито зыркнул на него.

– Ну, не будет женщин, не будет и детей, не так ли, Сингх? Вы ведь знаете, откуда берутся дети, не правда ли?

– Конечно, сэр. – Акаль с трудом удержался от гримасы. Взгляд Тёрстрома стал еще более гневным.

– Вы не добились больших успехов в поисках Ночного

Проказника, верно, Сингх? Стервец так и не пойман, так?

– Нет, сэр. – Акаль старался не выдать лицом возмущения, но голос невольно его подвел. Тёрстрому было прекрасно известно, что «стервец так и не пойман».

– Похоже, мое первое впечатление о вас было безошибочным.

Акаль почувствовал, как кровь бросилась в лицо.

До прибытия Акаля Ночной Проказник заглядывал в окна к детям Сувы не один месяц. Дело передали ему без описания злоумышленника, без уточнения сценария ночных походов и без каких-либо зацепок.

За следующие полгода Ночной Проказник предпринял еще шесть вылазок. На сегодня достижения Акаля заключались в том, что он уговорами выведал у детей описание преступника – то, что не удавалось предыдущим следователям. Шесть разных портретов шести совершенно разных мужчин, насколько он мог судить. Из напуганных детей получают не бог весть какие свидетели. Тёрстром превосходно знал, насколько сложным было это дело. В конце концов, именно он свалил его на Акаля, желая продемонстрировать, что проштрафившемуся полицейскому из Гонконга в его ведомстве совершенно не рады.

Тёрстром откинулся на спинку стула, сложив перед собой ладони.

– Это важное дело, Сингх, и, кроме вас, мне некому его поручить. Если бы я мог отправить одного из индийских кон-

стеблей, я бы это сделал, но тогда получил бы нагоняй за то, что послал констебля, хотя в штате есть сержант. Возможно, для вас это случай показать мне, на что вы способны. Решите эту проблему, не расстраивая индийское правительство, — и, не исключено, вам будут доставаться более легкие расследования.

— Есть, сэр, — отчеканил Акаль, изо всех сил стараясь подавить свое воодушевление. Он зашел в тупик с поисками Ночного Проказника; по крайней мере, это поручение может дать ему шанс оправдаться.

— Тогда приступайте. Да, и навестите миссис Паркинс, может быть, она что-то знает об этой женщине-кули. Мы пытались дозвониться по телефону до Генри Паркинса на плантации, но никто не ответил. Только будьте с ней осторожны. Ее отец — важный человек в Австралии.

Акаль не был представлен Сюзан Паркинс, но видел ее в Суве. Хотя на Фиджи он прибыл недавно, Акаль уже знал всех здешних европейцев в лицо. Еще одна причина тоски по Гонконгу.

— Есть, сэр! — Акаль отдал честь, лихо развернулся и, печатая шаг, вышел из кабинета.

Спустившись в дежурную часть, он взял у Тавити сегодняшнюю газету, и они разложили ее на столе, склонившись над усеянной мелким шрифтом полосой так, что тюрбан индийца почти соприкасался с упругими кудрями местного жителя.

ПОХИЩЕНИЕ КУЛИ ПЛАНТАТОР НАЗЫВАЕТ ЭТО ПОБЕГОМ, МИССИОНЕР ЗАЯВЛЯЕТ О ПОХИЩЕНИИ!

Очередное исчезновение кули, на этот раз женщины, с плантации Набанигей в Накаву. Женщину по имени Кунти последний раз видели два дня назад, когда она в бараке отпрашивалась с работы по болезни. Мистер Паркинс, владелец плантации, заявил, что она сбежала. Тем не менее отец Дэвид Хьюз, миссионер-католик, обратился непосредственно в «Фиджи таймс», утверждая, будто ее похитили!

«Какая чушь – сбежала, – сказал нам добрый священник. – Я несколько раз встречался с этой молодой женщиной и убежден, что она не могла сбежать, бросив свою дочь. Если она исчезла, это произошло против ее воли».

Вот так загадка! Две недели назад в нашей газете сообщалось, что высокий уровень самоубийств среди кули разжег негодование в Индии. Как отреагирует индийское правительство на данную ситуацию? Увидим ли мы в скором времени конец системы договорного рабства? Что предпримет наша достопочтенная колониальная администрация в условиях столкновения интересов Индии и наших плантаторов?

Тавити нахмурился.

– Как-то неубедительно. Некий миссионер, видевший женщину несколько раз, делает вывод, что сбежать она не могла. И генерал-инспектор озабочен этим делом?

Акаль кивнул. Сбежала ли женщина или действительно была похищена, хотя это и маловероятно, но если колониальная администрация не продемонстрирует стремление расследовать упомянутое дело, появится новый повод настаивать на отмене кабальной системы. А развал этой системы, скорее всего, приведет к упадку сахарных плантаций, являющихся краеугольным камнем экономики колонии.

– Наверное, мне лучше пойти узнать подробности у этого самого «доброго священника».

– Похоже, путь твой лежит к храму, – усмехнулся Тавити. Дорога от полицейского участка к собору Пресвятого Сердца шла в гору. Солнце палило. Единственным спасением было то, что путь был милосердно коротким. Несмотря на это, к тому времени, когда Акаль поднялся на ступени крыльца из серого камня, пот катил с него градом. Шагнув в тень стены, Акаль остановился, чтобы повнимательнее рассмотреть церковь. Здание было впечатляющим. Привезенный из Австралии камень внушал чувство постоянства, и в этом с ним не могли соперничать обычные для Сувы деревянные строения. Но даже такое прочное сооружение не осталось неуязвимым перед силой природы. Ступени местами поросли мхом, и из каждой трещины пробивалась трава.

Акаль поминутно отклеивал липкую рубашку от тела, свободной рукой обмахивая лицо, чтобы щеки так не пылали. Струйка пота выползла из-под тюрбана и побежала по спине. Акалю не хотелось бы посещать гурдвару, сикхский храм,

насквозь мокрым от пота, и войти в христианскую церковь в таком виде казалось столь же непочтительным. Он вытер лоб и с отвращением смахнул с руки неприятную влагу. Ничего не поделаешь. Авось отец Хьюз не заметит его растрепанного вида. Наверняка он уже к этому привык.

Как только Акаль прошел через величественный портал собора Пресвятого Сердца, на него повеяло прохладой и умиротворением. Когда дверь за ним закрылась, он оказался в тишине, вдали от городской грязи, шума и зноя. Единственным звуком было ритмичное шарканье метлы, эхом поднимавшееся к высокому деревянному потолку. Акаль остановился у передней скамьи, наслаждаясь царящей во круг атмосферой безмятежности.

Он не был в гурдваре со времен Гонконга, однако и там ему не доводилось оставаться в храме одному. Акаль привык к тому, что в культовых местах гомонит и суетится пестрая толпа. К тому, что Богу, Вахегуру, преподносят десерты из топленого масла гхи и сахара. К чувству растворенности в божественной благодати, ошеломления из-за Его незримого присутствия. Совместная молитва в храме рождает между людьми некую общность. Акаль всегда выходил из гурдвары с ощущением глубокой связи не только с Вахегуру, но и с теми, с кем вместе молился.

Здесь все было иначе: приятно, умиротворенно безмятежно, но немного одиноко. Тут Акалю явились проблески английского Бога, но он понимал: чтобы узнать Его, придется по-

трудиться. Что, если посетить службу? Но будет ли он здесь ко двору?

– Вам помочь?

Этот вопрос, заданный с подозрением, прервал грезы Акаля. Он оглянулся и увидел миниатюрную женщину с копной курчавых светлых волос, которая смотрела на него с недоумением, сжимая черенок метлы.

– Вам помочь? – повторила она чуть громче и медленнее.

– Я ищу отца Дэвида Хьюза, – ответил Акаль, сдерживая желание ответить в том же духе.

– Вы полицейский, – произнесла крошечная женщина, уже не так сильно стискивая древко. – Должно быть, по поводу той индийской женщины. Отец Хьюз будет рад. – Она повернулась к двери и жестом позвала Акаля следовать за ней. – Помогите ему, пожалуйста. Он только об этом и говорит, а ему необходимо сосредоточиться на воскресной проповеди.

Акаль без большой охоты пошел за ней к боковой двери. У порога он помедлил, сделав глубокий вдох и стараясь вобрать в себя святость этого места. Безмятежность мигом улетучилась, когда женщина высунула из двери голову, поторапливая его. Из прохладной гавани Акаль попал в палисадник и прищурился от яркого солнечного света. Когда глаза освоились, Акаль обнаружил священника, который стоял на коленях в небольшом огороде и что-то бормотал себе под нос, энергично выдергивая сорняки, угнездившиеся

на морковных грядках. Сорняки, по-видимому, одерживали победу, поскольку морковная ботва апатично вяла, вызывая у Акаля сочувствие.

Отец Хьюз, как и обещалось, был чрезвычайно рад его видеть.

– Да-да, здравствуйте! – воскликнул он, подскакивая и протягивая Акалю руку в запачканной землей перчатке.

Акаль замялся, и священник опустил глаза, отдернул руку и, ставив с нее перчатку, снова протянул для приветствия.

– Очень приятно, замечательно, что вы пришли, – рассылался он в любезностях, пожимая несколько раз руку Акаля и не давая ему возможности возразить. – Пойдемте сюда, я напою вас чаем. Хетти!

Акаля поспешно препроводили по садовой дорожке в гостиную скромной квартиры при церкви. Священник чуть ли не толкнул его в кресло и исчез, чтобы распорядиться насчет обещанного угощения. За короткое время, что Акаль провел в колонии, никто еще – ни европеец, ни индеец, ни фиджиец – не предложил ему простой чашки чая. Европейцы всегда предпочитали иметь дело с европейским полицейским, а индийцы презирали его за то, что он не такой, как они. Самый теплый прием оказывали ему фиджийцы, которые, видимо, воспринимали Акаля, в его тюрбане и полицейской форме, как диковину. Это было приятным разнообразием.

Акаль несколько минут посидел, барабанив пальцами по подлокотнику кресла, потом встал и осмотрел тесную, скуд-

но обставленную комнату. Гостиная имела обшарпанный вид, половицы местами были отполированы десятилетиями шагов. Акаль остановился перед изображением Иисуса, о котором много слышал. Богочеловек держал свое сердце в руках, выцветших со временем, и сквозь пальцы лучился свет. Он смотрел на Акаля с сочувствием и мудростью, что одновременно внушало спокойствие и суеверный страх. Акаль отвернулся от картины и поспешно вернулся к прочным плетеным креслам.

Сев в одно из них, он тут же подскочил и вынул из-под себя комковатую подушку. На синей хлопковой наволочке было вышито изречение, потрепанные нитки вяло свисали со вставки из грубого бежевого холста. «Давайте, и дастся вам. Лука 6:38». Держа подушку в руках, Акаль размышлял над этой сентенцией, когда вернулся отец Хьюз.

Пока священник не успел раскрыть рта, Акаль поспешил представиться, опасаясь, что у него может и не появиться такой возможности.

– Я сержант Акаль Сингх из полиции Фиджи, отделение Сувы.

– Конечно-конечно, очень рад познакомиться, – ответил отец Хьюз. – Садитесь, пожалуйста. Хетти сейчас принесет чай.

Акаль снова сел, отодвинув подушку.

– Значит, на мой сигнал обратили внимание? Кто вас прислал? Губернатор? – осведомился священник с очевидным

ликованием в каждом слове.

– Генерал-инспектор Тёрстром.

– И то хорошо. Я надеялся привлечь внимание губернатора.

– Что ж, вы определенно добились успеха. Дело приобрело чрезвычайно чувствительный характер... – Акаль помолчал, чтобы усилить впечатление. – Поскольку вы обратились в газету, а не в полицию.

Священник уставился на него, словно не верил своим ушам.

– Так я же был в полиции. Но там всего лишь позвонили Генри Паркинсу и удовлетворились его объяснением, что женщина будто бы сбежала. Тогда-то я и пошел в газету. Уж теперь-то вы не сможете закрыть глаза на это дело.

Отец Хьюз разжег политический пожар, и Акалю предстояло потушить его с помощью наперстка воды, стараясь при этом не слишком обгореть самому. Он не знал, что священник изначально обратился в полицию, но не удивился, что его подозрения оставили без внимания, учитывая пренебрежение, с которым генерал-инспектор говорил об этом деле.

– Прошу вас, расскажите мне, что вы знаете о предполагаемой жертве.

– Кунти. Ее звали Кунти. – Отец Хьюз смотрел на Акаля, подняв брови. Он ждал.

Акаль догадался, что священник не собирается продолжать, пока полицейский не назовет женщину по имени. Ка-

кая отцу Хьюзу разница, как ее звали, Акаль не понял.

– Да. Кунти.

Священник сощурился, отчего по его лицу волнами пошли морщины.

– Знаете... подождите, пожалуйста, минутку, сержант.

Отец Хьюз вышел в соседнюю комнату, и Акаль в ожидании стал беспокойно постукивать пяткой по полу. Тем временем Хетти, женщина, которая мела в церкви пол, принесла чай.

– Он, наверное, все уши вам прожужжал? – спросила она с насмешливой улыбкой, ставя поднос на стол и наливая в две чашки крепкий чай с молоком.

Акаль непонимающе взглянул на нее.

– Все насчет кули, – объяснила женщина. – У него полно обязанностей здесь, в Суве, так нет, его постоянно носит по всей стране. – Она поцокала языком, передавая Акалю его чашку и придвигая к нему сахарницу.

Прежде чем она успела углубиться в подробности, отец Хьюз вернулся с альбомом в руках.

Хетти вручила ему чашку чаю и суетливо вышла, наказав ему не задерживаться и не забывать о недописанной проповеди. Отец Хьюз отмахнулся от нее. Он положил альбом себе на колени, пролистал толстые страницы из коричневого картона и, остановившись примерно на середине, повернул альбом к Акалю, чтобы показать черно-белую фотографию индианки.

– Это Кунти. Она живой человек, сержант Сингх.

– Конечно, сэр. – Акаль сохранял уважительный тон, хотя и опасался, что одна бровь, поползшая в сторону тюрбана, может свести его старания на нет.

Он взял альбом в руки, чтобы внимательнее рассмотреть снимок. Кунти была изображена по плечи, с накинутым на голову сари. Все внимание сержанта поглотили огромные миндалевидные глаза с приподнятыми внешними уголками. Женщина не улыбалась, но в глазах брезжила радость. Было совсем не похоже, чтобы Кунти намеревалась вот-вот сбегать, хотя Акаль и не знал, как это бывает.

– Откуда у вас эта карточка?

– Я сам сфотографировал Кунти при первой встрече на плантации, когда объезжал страну, собирая сведения для требуемого Церковью отчета. Я пытаюсь показать, как ужасные условия, в которых живут индийцы, приводят к падению нравственности. Сейчас Церковь готовится выразить свое мнение по поводу договорного рабства, и, стоит епископам увидеть мой отчет, думаю, выводы будут очевидны. Положение на плантациях – обвинительный акт против кабальной системы, и святой долг каждого доброго христианина...

– Вы сказали, что встречали Кунти на плантации? – перебил его Акаль, выставив вперед руку, чтобы прервать поток слов.

Священник оторопел, но чуть погодя кивнул, слезая с трибуны и возвращаясь к насущному вопросу.

– Хм, да. Я уже заканчивал свое путешествие; плантация Паркинса была одной из моих последних остановок. Я устал, впечатления слегка притупились. Мой визит начался с обычной недружелюбной беседы с Генри Паркинсом. «А в чем дело? – спросил он. – Они все подписали договоры». Хороши договоры! В лучшем случае работники заверяют отпечатком пальца бумаги, которые даже не могут прочитать. Им плетут невесть что. Знаете, самая распространенная басня из тех, которыми их кормят, – то, что Фиджи находится к югу от Калькутты! Им лгут, будто бы работа легкая, тогда как выполнить дневную норму, прописанную в договоре, под силу только очень крепкому человеку. Нигде не упоминается, что, если они не вырабатывают за день полную норму, этот день не засчитывается. Никто из них не знает, что они продают себя в рабство на пять лет.

Ранее Акаль уже слышал некоторые из этих утверждений, но не знал, многим ли из них можно верить. Вдохновенная речь отца Хьюза вызвала неприятное чувство, что ему, вероятно, следовало обращать на эту проблему больше внимания. Он потер лоб и, смирившись, сказал:

– Да, сэр. Продолжайте, пожалуйста.

Священник сделал глубокий вдох, выпятив в пылу грудь.

– Никто из плантаторов не желает реформировать систему. Все они больше заботятся о своем кошельке, нежели о душе, понимаете? Никому из них не доставляют удовольствия встречи со мной. Но Паркинсу хотя бы хватило ума не

запрещать мне посещение своей плантации. Он наверняка так бы и сделал, будь он уверен, что ему сойдет это с рук. Но он метит в политики и хочет сохранить хорошие отношения с Церковью. – Отец Хьюз покачал пальцем перед лицом Акаля и с мрачным удовлетворением кивнул. – Напомнив Паркинсу о его обязанностях христианина, я отправился навещать некоторых женщин на месте их работы – в поле молодого сахарного тростника, где они выдирали сорняки. Женщины распределились по всему полю и, конечно, не прекратили трудиться, так что я ходил от одной к другой, надеясь, что кто-нибудь из них согласится побеседовать со мной.

– Они говорят по-английски? – с удивлением уточнил Акаль. Ведь только беднейшие из бедных от отчаяния готовы были подписать *гирмит*, договор на кабальную работу.

– Нет, конечно нет. Моих знаний хинди достаточно, чтобы построить простой диалог. Дело в том, что, даже если бы никто со мной не заговорил, я мог бы немало узнать, просто наблюдая. Это было печальное зрелище. У одной женщины с собой был грудной ребенок, и он заплакал. У меня разрывалось от сострадания сердце, сержант, даже этот плач звучал жалобно. Как обычно, женщины не имели охоты со мной общаться, и я отправился в бараки кули, чтобы оценить условия их проживания. Вы когда-нибудь видели жилища кули, сержант Сингх?

Акаль помотал головой. То, что он слышал об условиях проживания кабальных работников, вовсе не вдохновляло

совать туда свой нос. Но таким умонастроением Акаль не хотел делиться с рыцарствующим священником.

– Что ж, их обиталище было обыкновенным, то есть плачевным. Паркинс четко блюдет букву закона, но не представляет своим батракам ни на йоту больше положенного. Комнаты минимально допустимого размера – кошка ляжет, хвост положить негде. Внутренние стены один в один требуемой высоты, поверху проволочная сетка для вентиляции, а значит, о приватности и речи быть не может. Семьи живут по соседству с одинокими людьми. Как можно поддерживать нравственную жизнь в таких условиях? Мой отчет...

– И что Кунти? – напомнил Акаль.

– Да, да, конечно, Кунти. Так вот, посмотрел я на все это, уж даже и сил сердиться по поводу состояния бараков не было, к тому же меня расстроило, что никто не захотел со мной разговаривать. Я был совершенно подавлен. И вдруг сворачиваю за угол, а там она. Кунти. Словно солнце взошло. Она смущалась, но не боялась меня, как другие женщины. Я предложил ей – жестами, разумеется, – сесть и попозировать для этой фотографии, и она кивнула. Я сделал снимок и уехал. Через несколько месяцев я вернулся туда и отдал ей карточку.

– Говорите, это было несколько месяцев назад? – уточнил Акаль. – А вы не думаете, что она могла просто надорваться от непосильного труда и сбежать?

Отец Хьюз и слышать не желал о такой возможности.

– Нет-нет-нет. Исключено. Она уже проработала по договору три года. С чего бы ей вдруг именно сейчас выбиваться из сил, если не случилось ничего из ряда вон выходящего? Но я не могу вообразить, какие ужасные события могли вынудить ее бросить дочь. Нет, я настаиваю: она исчезла не по своей воле.

– При всем уважении, сэр, этого недостаточно, чтобы говорить о похищении. Мы не знаем, что произошло с этой женщиной с тех пор, как вы с ней виделись.

Кажется, впервые с начала разговора священник растерялся.

– Игнорировать это было бы чрезвычайно глупо, – предупредил он, словно удивленный невозмутимой деловитостью Акаля. – Индийцы, здесь и на родине, требуют правосудия.

– Я сообщу о ваших опасениях генерал-инспектору, – заверил его Акаль, ерзая в кресле с горячим желанием удалиться.

– И пусть зарубит себе на носу: я молчать не стану. Церковь продолжит бороться за правосудие для Кунти. – Отец Хьюз сделал глубокий вдох, заметно пытаясь успокоиться, затем менее угрожающим тоном продолжил: – Сержант Сингх, пожалуйста, заверьте меня, что вы намерены докопаться до истины, даже если женщина действительно сбежала. Я знаю, что для плантаторов и для администрации эти индийцы скорее выючные животные, чем люди. Но для вас ведь

Кунти землячка.

– Сделаю все, что смогу, сэр, – отрывисто ответил Акаль.

Слова священника вызвали в нем смутное беспокойство, возможно, даже легкое раздражение. Ему не хотелось слишком глубоко вдаваться в особенности системы договорного рабства. Что, по мнению отца Хьюза, один индийский полицейский может с этим сделать? Не он создал такое положение, и эта проблема не имеет к нему никакого касательства, ну правда. Даже в Индии он не стал бы заниматься соотечественниками, добровольно идущими в кабалу. Это не его народ, пусть они даже и земляки.

В тот же день Акаля ждала беседа с миссис Генри Паркинс. Дом Паркинсов находился на Какобау-роуд, по соседству с особняками прочих состоятельных плантаторов. Акаль и Тавити тащились вверх по холму мимо недавно переустроенных Ботанических садов Сувы, где цикады пели о своей любви к солнцу.

– Осторожно, – предупредил Тавити, выставляя вперед руку, чтобы предостеречь Акаля от размоины на дороге, которую его друг не заметил, поскольку с тоской взирал на прохладную зелень садов, являвших полную противоположность пыльной улице.

– Проклятушие ямы, – пробурчал Акаль.

– Тебе надо научиться смотреть под ноги. Если, конечно, не хочешь переломать свои цыплячьи кости.

Акаль, всегда стеснявшийся своих голенастых ног, покоился на друга:

– Напомни мне, зачем я попросил тебя сопровождать меня на эту встречу?

При упоминании о предоставленной ему Акалем возможности Тавити похихикал, но разумно прекратил дразнить друга.

После визита к священнику Акаль заглянул в участок и предложил Тавити составить ему компанию при опросе миссис Паркинс. Ему было нетрудно в одиночку побеседовать со служителем культа, но в разговоре с европейской женщиной он предпочитал иметь свидетеля. Тавити с радостью согласился.

– Почему они такие большие? – спросил Акаль, обходя особенно крупную яму. – Я был здесь два дня назад и уверен, что колдобины увеличились.

Тавити пожал плечами.

– Каждый день льет дождь. Вода стекает по склону холма и уносит с собой половину дороги. Думаешь, тебе тяжело? Подумай о циклистах – каково им на двух колесах.

После дневного дождя дорога часто представляла собой топкое болото, в котором циклисты вязли и вынуждены были спешиваться с различной степенью грации, но с соответственным градусом раздражения. Порой ямы объединяли усилия и вместе разрастались настолько, что проглатывали циклиста целиком.

– На самом деле спасибо, что взял меня с собой, – проговорил Тавити, пригибая голову и глядя на дорогу. – Я очень хочу учиться.

Акаль с сочувствием взглянул на друга. Несмотря на нерасположение генерал-инспектора к Акалю, ему хотя бы поручали настоящие дела, пусть и муторные. Тавити обладал многим из того, чего Акаль не имел: у него были жена и дети, определенное положение в фиджийском обществе, – но именно все это и отдаляло Тавити от вожака племени, который всерьез поддерживал закон и порядок на Фиджи. Посему, если представлялся удобный случай, Акаль охотно помогал другу.

– Итак, можешь начинать оправдывать доверие. Что тебе известно о миссис Паркинс?

– Встречал ее несколько раз в гостях. Ее повсюду приглашают.

– Как и тебя, – парировал Акаль с озорной полуулыбкой.

– Я другое дело. Мне нужно всюду показываться по поручению дяди.

Тавити был племянником влиятельного вождя племени, который жил слишком далеко от Сувы, чтобы регулярно посещать светские рауты в колонии. Семья считала, что истинная цель пребывания Тавити в Суве – представлять свой клан. В полиции же он служил вопреки возражениям родных.

– Она посещает все эти приемы, чтобы заручиться под-

держкой для своего мужа, – продолжил Тавити. – Тот участвует в выборах председателя Ассоциации плантаторов, которые состоятся через пару месяцев.

– Что ты говоришь? Победа сделает его одним из самых влиятельных людей в колонии, – чуть не застонал Акаль. – А я должен расследовать бегство его кули.

Ассоциация плантаторов представляла интересы землевладельцев и была единственной организацией, которая пыталась противиться австралийской Колониальной сахаровырабатывающей компании, скупавшей весь тростник на Фиджи. КСВК была одновременно и самым крупным стимулятором экономики Фиджи, и главным инструментом давления.

– Если это тебе поможет, то я слышал, что именно эта мадам в конце концов будет управлять ассоциацией. Супруг к этому не слишком стремится.

– Зачем тогда он выставил свою кандидатуру?

– Ну, мне известны только слухи... – ответил Тавити, возпросительно глядя на друга. Когда Акаль кивнул, он продолжил: – Поговаривают, что Сюзан Паркинс происходит из семьи влиятельного австралийского политика. Она единственный ребенок, у ее родителей не было сына, который продолжил бы семейную традицию. А Генри Паркинс из богатой семьи, и вот родители их познакомили. Сюзан и Генри должны были стать влиятельной парой в Сиднее, предполагалось, что он будет подниматься там по политической лестнице. Но

каким-то манером они оказались на Фиджи. Приехав сюда, Сьюзан сначала была недовольна. Задирала нос на приемах, гнушалась общением с женами других плантаторов. Пока не приблизились выборы в ассоциацию. Теперь она вдруг принялась очаровывать всех в Суве: владельцев плантаций и их жен, членов администрации. Тем временем Генри Паркинс сидит не вылезая на своей плантации. Так что всем понятно: если его изберут, управлять станет она. Но плантаторов это устраивает. Они надеются, что авторитет ее семьи поможет в переговорах с КСВК.

Они добрались почти до самой вершины холма, где находился дом Паркинсов.

Это был типичный для колонии особняк состоятельных европейцев. Деревянный, на высоких сваях, он был построен так, чтобы дуящий над холмом бриз создавал в жилище прохладу. Пышный сад перед домом изобиловал гирляндами цветов. Семья, видимо, нанимает садовника-фиджийца, заключил Акаль. Растения были ухоженными, но не безжалостно обузданными, как в некоторых других садах на той же улице.

Акаль прошел мимо ряда кустов гибискуса, отчего крупные красные цветки с негодованием покачали своими неправдоподобно большими тычинками. Бугенвиллея приняла эстафету, ее щедедушные ветки, обремененные фиолетовыми гроздьями, поколыхались от легкого ветерка и вынырнули из куста, чтобы осыпать его плечи невесомыми ле-

пестками.

Перед фасадом дома красовалась широкая веранда с четырьмя деревянными стульями, расставленными вокруг такого же стола, – идеальное место, чтобы потягивать джинс с тоником, когда солнце садится за Тихий океан. Акаль и Тавити поднялись по низким деревянным ступеням, ведущим к веранде, и постучали в дверь. Открыла стеснительная служанка, и Тавити, очаровательно улыбаясь, попросил ее пригласить хозяйку дома.

Когда Сьюзан Паркинс приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы она видела гостей, а они ее, желудок у Акаля ухнул вниз. Сержант словно бы перенесся назад в Гонконг, к другой маленькой светловолосой женщине, которая перевернула его жизнь с ног на голову. Забывшись в своих грезах, он взирал на хозяйку дома, пока она не вернула его к действительности, проговорив:

– Слушаю.

Акаль быстро заморгал и расправил плечи, отодвинув прошлое за спину, по крайней мере на эту минуту.

– Я сержант Акаль Сингх из полиции Фиджи, отделение Сувы. А вы миссис Генри Паркинс?

– Да. – Глядя на него, она выгнула изящную бровь.

– Можно войти?

Женщина нахмурилась.

– Что вам угодно?

Некоторое время оба стояли в недоумении, потом она

нелюбезно произнесла:

– Можете задать мне свои вопросы снаружи.

Она рывком распахнула дверь, и Акаль заглянул в гостиную. Комната была изящно обставлена мебелью, которую, должно быть, привезли морем из других частей Британской империи. Деревянные ставни на многих окнах были открыты, и утренний свет затапливал помещение. Это все, что он успел рассмотреть, пока дверь перед его носом не захлопнула.

Они прошли на веранду. Хрупкая внешность миссис Паркинс приходила в противоречие с ее поведением. Она была худой как щепка и ростом не доходила даже до плеча Акаля. Воздушное цветастое платье и изящно убранные назад светлые локоны дополняли образ утонченной леди. Даже не верилось, что столь сублильная женщина способна хлопнуть дверью с такой силой, что весь дом содрогнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.